

Табор смерти

Автор:

Валерий Шарапов

Табор смерти

Валерий Георгиевич Шарапов

Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив

В одной из центральных областей России особо опасная банда совершает налеты на дома священнослужителей. Грабит и убивает хозяев, после чего бесследно скрывается. Для борьбы с разгулявшимися преступниками создается специальная группа, в которую входит лейтенант милиции Порфирий Васин. Бывший пограничник, он берется за дело и вскоре выходит на цыганскую диаспору, промысляющую кровавыми налетами. Дело за малым – задержать грабителей. Но цыгана не так-то просто поймать за руку. И тогда Васин и его товарищи решают применить против бандитов военную хитрость...

Валерий Георгиевич Шарапов

Табор смерти

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную,

административную и гражданскую ответственность.

© Шарапов В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Глава 1

– Вот гнилое это дело – людей мочить. Ну не пойму такого! – возмущался долговязый худосочный Оглобля, сжимая обеими густо татуированными руками граненый стакан с мутной жидкостью.

– А воровать – не гнилое? – Дюпель, заезжий бродяга, приземистый, широкий в кости, с низким лбом и оловянными глазами, икнул и мутно посмотрел на собеседника.

За длинным столом, заставленным закусками и бутылками с самогоном, не на шутку разгорелся околонаучный диспут о том, какая воровская масть предпочтительнее. Постепенно спор перешел в русскую мятущуюся Достоевщину о слезинке ребенка, о человеке или твари дрожащей и о невинной крови. В такт словам шуршала игла патефона, проигравшего уже пластинку, но продолжавшего вращать ее, пока завод пружины не иссякнет.

– Ну, воровать – это дело святое, – с достоинством изрек Оглобля.

– А разбой? Про разбой что скажешь? – не отставал пытливый Дюпель.

– Тоже дело хорошее. Но мокруха... Тьфу. – Оглобля вдумчиво посмотрел на стакан в своих руках и опрокинул остатки его содержимого себе в глотку, с удовольствием крикнув. Загреб ладонью из алюминиевой тарелки горсть ядерной квашеной капусты и сосредоточенно захрумкал, методично двигая челюстью.

Лица гостей, собравшихся в просторном помещении с низким потолком, не внушали даже намёка на доверие. Они могли иллюстрировать собой теорию Дарвина. По ним видно было с неотвратимой наглядностью, что человек произошёл от обезьяны, но некоторые так и не дошли до конечной цели. Какое-то переходное звено – лбы низкие, лица иссечённые морщинами, во рту фиксы, телосложение, как правило, хлипкое или болезненно тучное. Хотя, может, и нечего на Дарвина пенять. Может, когда-то и были эти фигуры атлетичными, а лица приятными и светлыми. Но прошлась по ним тяжёлым катком судьбинушка, кидая то в голодные и холодные колымские лагеря, то в туберкулезные бараки, награждая ударами прикладов от конвойных и выедавая внутренности дешевым самогоном на таких вот встречах по интересам.

Да и само сборище мало походило на английский клуб. От высоких материй тут разве что была картинная галерея, да и та в виде обильных татуировок. Именовались эти посиделки в просторечии «ямой» или «воровской малиной» – кому как нравится. И располагалась эта яма в Деляновке.

Деляновка, она же Деловая Слободка, – исторически самый криминальный район на окраине Светогорска. Когда-то здесь было село, жители которого грабили купцов на большой дороге. Потом построили бараки для рабочих маслобойной фабрики. Теперь села нет, от него остались лишь развалины церкви. И фабрика сгинула. А беспокойные традиции романтиков с большой дороги и маргиналов остались.

Длинное кирпичное строение в самых дебрях Деляновки когда-то было рабочим баракком. Сегодня оно гордо именовалось общежитием завода «Знамя труда», на котором трудилось много бывших заключённых. Их и расселяли здесь. И к ним тянуло, как магнитом, жулье со всего города.

В Деляновке вора – что своего, что заезжего – всегда ждут. Помогут при необходимости деньгами, а то и приспособят к делу. Но если работаешь воровским трудом на территории, занеси копеечку ради уважения. Общак – дело святое. Зону греть надо.

Сегодня народу в яме набилось шесть человек. Фармазон, удачливый мошенник и частый здесь гость, кого-то успешно развел и притащил долю в общак. Ну и проставился перед братвой – самогончик, жратва, все по высшему разряду. Ибо для чего воровать, если не гулять на ворованное? Ну, и картишки – они так и летали, загоняя кого-то в долги, а кого-то поднимая на крыльях удачи. Как же

без картишек?

Залетного бродягу по кличке Дюпель в яму привел Оглобля. Они вместе чалились на одной зоне еще в 1950 году. А сегодня неожиданно столкнулись около центрального вокзала Светогорска. Пообнимались, поохали. И Оглобля задал ключевой вопрос:

– Завязал?

От ответа зависело дальнейшее общение. Или Дюпель остался другом и братом, и потому ему нужно почтение, или стал обычным прохожим, с которым побалакали да разошлись.

– Да куда там, – отмахнулся Дюпель с досадой. – Завяжешь тут.

– К нам каким ветром? Дельце присматриваешь? – хмыкнул Оглобля, зная, что Дюпель – знатный домушник и любые двери вскрывает влет.

– Попутным ветром, – неопределенно пожал плечами вор.

– Ну, тогда давай со мной в яму. Поклонись обществу.

Вот так Дюпель оказался в притоне. И теперь вел со старым корешем философский разговор.

– Так что кровушку – ни-ни! – крикнул Оглобля.

Дюпель махнул рукой:

– Эх, жизнь тебя мало била.

– А тебя много? – насупился Оглобля.

– Много, – глаза Дюпеля стали злыми. – Поверь, что кота жирного подрезать пером за цацки, что в хату залезть – все одно. Главное – не попадаться.

Саша Циркач, невысокий, седой, мускулистый, выглядевший гораздо приличнее собутыльников и даже не слишком сильно татуированный мужчина в возрасте далеко за тридцать, слушал этот разговор, прикрыв глаза и привалившись к дощатой стене. Он упорно делал вид, что дошел до кондиции, ничего не слышит и ничего не понимает. Хотя было все с точностью до наоборот. Очень уж ему было интересно, куда этот разговор с заезжим уголовником заведет.

Особенность у Циркача была редкая и полезная – пьянел он очень медленно и никогда не терял над собой контроля. Это обстоятельство не раз помогало ему, притом по-крупному. Вот как сейчас.

– А вы не опасаетесь тут так шумно гулять? – Дюпель обвел взглядом пьяное общество и заваленный яствами стол. – Стремно же!

– Не-а, – важно протянул Оглобля. – Мент сюда боится даже нос сунуть. Так мы себя на Деляновке поставили.

– Уважаю! – поцокал языком Дюпель.

Милиция и правда сюда не заглядывала, это было предметом особой гордости местных обитателей – мол, благота настолько сурова, что даже власти ее стороной обходят. На самом деле не трогали эту малину благодаря Саше Циркачу. Почему – это тема отдельная.

Вообще, Саша Циркач был тут теперь за бугра. Дослужился после того, как вор в законе Куцый отправился к хозяину в солнечный Магадан.

– Дюпель, как на духу скажи, ты работать сюда приехал как волк-одиночка? – вдруг резко спросил Оглобля, прояснившись и острым взглядом вперившись в собеседника. – Замки ломать?

– Да какое там, – отмахнулся тот. – На подхвате я. Взяли меня, как знатного шоферюгу.

– Домушника шофером? – посокрушался искренне Оглобля. – Ох, времена пошли!

– Так срослось по жизни.

- И куда рулишь?

- Да несколько адресочков по области надо навестить, - поведал Дюпель. - Потрясти толстых и богатых.

- Кого трясти будете?

- Осколки темного прошлого. Попов мы щиплем. Да так, что только перья летят, - с гордостью доложил Дюпель.

- Вот оно как. Ну что ж, дело хорошее.

- Богоугодное, - хмыкнул Дюпель, которого развозило все больше, и он уже не мог остановить поток слов. - Кровососы они, попы эти. Вон, в Березах один такой пристроился. Как клоп насосался. Опиум для народа, едрить его в корень!

- Все равно непорядок, - веско объявил Оглобля. - Общаку должны доложить, что работать в наших местах будете.

- Так я винтик мелкий. А бугор у меня такой... Ему этот общак до одного места. Ох и страшный, аспид. У меня от него колики в печени. Как зыркнет, - Дюпель пьяно всхлипнул.

- Кто ж это такой сурьезный? Я его знаю? - заинтересовался Оглобля.

- Копач погоняло. Случайно нас нелегкая свела. Ему шофер-механик нужен. А ты знаешь, я все могу. Но... Сто раз раскаялся, что связался с душегубом.

- Он по мокрухам, что ли?

- Да ну, ты знаешь... - заюлил Дюпель.

- Стоп! Я в душу не лезу. Дело твое. Но запомни, бродяга. Кража - это да. А мокруха - подлое дело. За это и выпьем.

Звякнули стаканы. Старые кореша выпили и постепенно начали погружаться в пьяную дрему.

А у Саши Циркача нарисовалась проблема...

Глава 2

Колдырь сейчас походил на великомученика со старинных картин маслом. Сгорбленный, исхудавший, испытый до посинения, несчастный, он с видимым физическим и душевным усилием скорбно толкал перед собой тачку, с верхом груженную всяким барахлом. За ним уныло плелся, поскрипывая сапогами, участковый Станислав Семенович Павлюченко, ритмично постукивавший ладонью по висевшей на боку потертой офицерской сумке. Завершал шествие молодой, долговязый и огненно-рыжий оперуполномоченный Заозерного РОВД лейтенант милиции Порфирий Васин.

Глядя на воришку, семенящего впереди с тачкой, лейтенант ощущал себя отягощенным возрастом мудрецом, познавшим жизнь. Это раньше он подпрыгивал бы от радости, поймав за руку злоумышленника, и трепетно мечтал бы о скупой похвале начальства. Сейчас он уже опытный усталый опер, как-никак целых двадцать шесть годков стукнуло, и четыре года стажа оперативной работы. Четыре года – это для обычного человека немного. А для опера – как на войне – год за три, не юридически, так психологически, это целая жизнь. Поэтому надо быть степенным...

Но вот выглянуло из-за облаков майское солнышко, упало лучами на лицо. И стряхнуло с него всю степенность. И снова детская радость – а здорово он этого воришку взял. На раз вычислил... Хотя и воришка-то мелкий, и вычислить его – дело плевое. Но все же радостно.

Предшествовало этому скорбному шествию то, что Васин в то шептунное утро бегал как угорелый, проявляя, как пишут в приказах по отделу, настойчивость и оперативную смекалку. Очень уж ему хотелось раскрыть кражу и не марать ей отчетный период.

Ночью из частного домовладения на окраине поселка городского типа Заозерный, где проживала парочка пенсионеров, стащили кучу вещей – инвентарь, лопаты, грабли, какие-то тазы. Не побрезговали даже сушившимся на веревках бельем. Вроде мелочовка, но объем получился приличный, и по кошельку старых людей это сильно ударило. Пенсионерка об этом долдонила настойчиво, картинно заламывала руки:

– По миру пустили, ироды! А милиция куда смотрит?!

С участковым Васин наскоро оформил протокол осмотра, взял заявление. И встал вечный и сокровенный для опера вопрос – кто украл? Ну, тут версия одна – местные алкаши. Им вечно на бутылку не хватает. Кажется, раскрыть такое дело – проще простого. Пройтись по забулдыгам местным – кто с утра пьяный, тот и вор. Но вот только забулдыг этих в округе – как собак нерезаных, в отличие, кстати, от свидетелей ночной кражи. И обходить их можно долго.

Но зачем обходить? Васин в школе учился отлично и хорошо помнил закон сохранения вещества – если что-то где-то убыло, то в другом месте столько же прибыло. Если что-то сперли, то где-то это будут продавать. И потому главная заповедь сыщика – ищи сбыт. А сбыт у алкашей в округе один – колхозный рынок в Заозерном.

Сразу от потерпевших он вместе с участковым туда и отправился. Прошлись неторопливо по торговым рядам под дощатыми навесами, не сильно многолюдным в среду. Вслед им неслось: «купи яблочко», «попробуй капустки». Вот в выходные здесь не протолкнешься. А сейчас спад активности. Народу мало, а краденых вещей так и вообще нет.

Но Васин не унывал. Он попросил участкового походить-побродить кругами, а сам бодро направился в дощатую будку-сарай слева от входа на рынок, на котором сияла корявая вывеска «Изготовление ключей и починка всего». Под надписью еще более коряво был нарисован ключ.

Старый слесарь из башкир, который держал эту лавку, руки имел золотые и правда чинил все, что можно. А еще он был надежным и инициативным информатором: знал обо всем, что происходит на рынке.

– Физкультпривет мелким буржуям! – Васин поднял руки в спортивном приветствии на пороге хлипкого дощатого строения, заваленного металлическим хламом и инструментами, с крошечным окном.

– О, начальство пожаловало, – добродушно осклабился башкир. – И опять без портфеля.

– И без шляпы, заметь, – добавил Васин, присаживаясь на табуретку перед стойкой.

– Нет в тебе степенности, Порфирий! Тебе бы брюшко отрастить да брови густые. Тогда бы и выглядел как начальник. А сейчас вызываешь недоверие.

– И волосы бы еще черные.

– Не мешало бы.

Информатор всегда был рад языком зацепиться и болтать без умолку, хоть день напролет. Да и Васин был трепач знатный. Разговор для оперативника – это как вода для рыбы. Опер в ней не только плавает, но и добывает корм, то есть оперативную информацию. Но сейчас время поджимало.

– Ладно, довольно лясы точить, – отмахнулся оперативник. – Начальники – люди занятые. Лучше скажи, сегодня с утречка никто из пьянчуг ничего не приносил на сбыт?

– Что именно? – тут же подобрался башкир.

– Рухлядь. Скребки, тазы, молотки.

– Приходил один выпивоха. Трясся – видно, что трубы горят, как газовая скважина. Я не взял у него ничего. Мне зачем? Он татарам, наверное, сбыл на металлоприемке.

Металлоприемка была в квартале от рынка. Васин, найдя в торговых рядах участкового, направился с ним туда.

Там хозяин-татарин милицейским информатором не являлся и говорить ничего не желал. Правда, упирался недолго – секунд двадцать, пока Васин не гаркнул командным голосом, как учили, что-то типа «не потерплю» и не пообещал прикрыть богадельню. Тут и метнулся молоденький татарчонок, что на подхвате у старшего, в дебри металлоприемки. И вскоре на полу лежали тазы и прочий инвентарь.

– Оно самое, – удовлетворенно произнес оперативник. – Кто сдал?

– Пьяница принес, – пояснил хмуро хозяин. – Полчаса назад.

Приметы сдатчика он изложил максимально подробно, как портрет написал, только словом, а не кистью.

– Колдырь, – удовлетворенно кивнул участковый, узнавший по описаниям вора. – С Поймы.

Чтобы не задерживаться и не таскать на своем горбу вещи, Васин их наскоро описал в протоколе и оставил татарину на ответственное хранение.

Колдыря долго искать не пришлось. Понятное дело, он толкался в рюмочной рядом с рынком.

Это был дощатый павильончик, около которого возвышались высокие столы без стульев. Такие питейные заведения именуют «шалманами». Точка пересечения всего опойного народца с района, место их общения и духовного падения. Там вечно то драка, а то и поножовщина.

– Вон наш герой дня, – кивнул Павлюченко на облаченного в телогрейку мужичка, с красными прожилками на испитой фиолетовой физиономии. Перед ним на столе стояли два опустевших стаканчика и лежала закуска – неаппетитные рыбы хвосты.

Увидев участкового, Колдырь зябко поежился.

Павлюченко не стал разводить политесов:

– Привет, Колдырь. Ты татарам только часть барахла скинул. Остальное дома?

– Ну да, – шмыгнув носом, кивнул мигом протрезвевший Колдырь, обводя милиционеров обреченным взглядом идущей на забой коровы.

– Ну так пошли, родной, – похлопал его по плечу Васин. – Ты свое потом допьешь. Как из тюрьмы освободишься.

И вот теперь грустный Колдырь толкал тачку с награбленным. У него дома оказались вещички и с других краж. Выяснилось, что с этой тачкой он воровал по ночам, и теперь это орудие преступления является вещдоком.

Вещи и самого задержанного разместили в просторном кабинете на втором этаже деревянного дома, который занимал РОВД. Весь угрозыск состоял из начальника и двух опер-уполномоченных и умещался в полном составе в этом просторном кабинете со столами, стульями, сейфами и портретом Н.С. Хрущева на стене.

С оформлением кражи Васин провозился добрую половину дня. Начальник райотдела Караганов – подтянутый, атлетически сложенный, в безупречной форме, весь как с плаката, службист заглянул, благосклонно похвалил за оперативность:

– Молодцы, орлы!

Сидевший в уголке на стуле Колдырь прошипел едва слышно:

– Кому орлы, а кому и петухи.

Но, наткнувшись на внимательный и недобрый взгляд Васина, тут же прикусил язык, сдулся и вернулся к увлекательному занятию – написанию с массой грамматических ошибок явки с повинной уже по третьей краже.

На стоявшем в сторонке столе начальника уголовного розыска зазвонил телефон – старый, еще довоенный, с черной тяжелой эбонитовой трубкой, которой убить можно. Начальник розыска однажды этой трубкой в сердцах приложил серийного насильника. Подействовало – признательные показания полились как

из рога изобилия.

Начальник УР со вторника был в отпуске, так что отвечать на звонок пришлось Васину.

– Уголовный розыск Заозерного РОВД, – отчеканил он официальным тоном.

– О, как строго. Здоров, молодой, – слышался в трубке хорошо знакомый голос.

– Здоровее видали, – поморщился Васин.

Сперва его бесила эта панибратская манера общения и то, что собеседник его иначе как «молодой» и не называл. Его – оперуполномоченного, офицера! Но потом смирился. Черт с ним. Главное – польза дела.

– Старшой уехал, – прозвучало в трубке. – Так что тебе, молодой, мое почтение. Ну и информашка. А с тебя две копейки за телефон-автомат. Не то, что я обеднею с этих двух копеек. Но это дело принципа. Потому как я работаю на вас, а не вы на меня.

Очередной любитель почесать языком, да еще с еврейскими заходами – за одно утро многовато. Но прозвучало волшебное слово для каждого опера – «информация». Это значит, ты сейчас узнаешь о совершенном или готовящемся преступлении, как его раскрыть, где искать и кто злодей. А Саша Циркач, который сейчас говорил бодрым голосом в эбонитовой трубке, никогда ерундой не баловался. Информация его всегда была в цвет.

Циркач, агент со стажем, личность где-то даже легендарная, конечно, с Васиным вот так просто общаться никогда бы не стал. Другого полета птица. На связи он был у майора Ломова, учителя и объекта преклонения для Васина. Был период, когда Ломов исполнял обязанности начальника Заозерного РОВД, и тогда же передал Циркача на связь молодому оперативнику. Потом майор ушел в область, взял с собой агента. Но оставил его на параллельной связи со своим учеником. И теперь, в срочных случаях, когда непосредственного куратора не было в пределах досягаемости, Циркач звонил лейтенанту. А это означало одно – впереди горяченькое дельце.

- Чего там? – Волна азарта невольно стала подниматься в груди Васина.
- Банда заезжая, – доложил Циркач. – Борцы с пережитками прошлого в виде религиозного культа. Собираются повести себя недостойно и наехать на поповский дом.
- Какой дом?
- На батюшку в Березах нацелились. Вроде твой район.
- Мой, – прикинул Васин. – Самая окраина. Когда на дело пойдут?
- Один Бог знает. А мне по чину не положено. Я же не Бог. И даже не черт. И даже...
- Ну, хорош! Ближе к теме сочинения, – прервал излишества Циркача Васин и начал вытягивать из агента все сведения, какие только можно. В итоге притомились оба.
- Чего еще узнаешь – телеграфируй незамедлительно, – велел оперативник.
- Ну да, – отозвался Циркач язвительно. – Только телеграф прикуплю.
- Ну, тогда телефонируй.
- Ну да, только телефон достану.
- Голуби почтовые, сигнальный барабан, азбука Морзе – как хочешь, но чтобы о налете я знал вовремя!
- Да понял я, понял. Чего ты так кипишишь? Успокойся и знай, что я взираю с надеждой на тебя, племя молодое... Пока! Не кашляй!..

Васин задумался, откинувшись на скрипучем и страшно неудобном стуле. Нужно проверять информацию Циркача немедленно. Дело может быть плевое, а может и серьезное. Тут никак не угадаешь.

Ладно, хотел сегодня пораньше к семье, годовщина свадьбы с Инной. Но такая примета – стоит спланировать что-то тихое и приятное, как на тебя обрушится нечто неотложное и непременно важное.

Ну что, надо двигать на разведку.

Васин нехотя поднялся со стула. Подошел к висящему на стене мутному, неправильной формы, неизвестно когда и откуда взявшемуся в этом кабинете зеркалу. И широко улыбнулся своему отражению.

Да, прав башкир в металлоремонте – вид оперативник имел далекий от солидного. Копна рыжих волос – таких жестких, что они казались медными проволоками. Нос картошкой. На носу и щеках – конопушки. И взор вовсе не стальной, а какой-то несерьезный, но хитрый. Ну, прямо на рынке зазывалой с таким лицом работать: «Налетай, покупай пирожки! С пылу, с жару! И другого товару!»

Правда, рост не подкачал – больше ста восьмидесяти сантиметров. Такая оглобля выросла – на голову, а то и на две выше сверстников. Несмотря на послевоенную голодуху, все же вытянулся, как упрямое молодое деревце, набрал силу. Хоть и худощавый, но руки вон какие жилистые и ладони как лопаты. Отличный самбист, любого злоумышленника умелым броском закинет прямо на Марс, к тамошним спрутам или кто там живет.

– Иван-дурак ты из сказки, а не майор Пронин из книжки, – прошептал Васин, отрываясь от зеркала. – Из лука по болоту стрелять и принцесс-лягушек тебе соблазнять, лейтенант Васин.

Он усмехнулся, подумав, что лягушек у него никогда не было, а вот принцесс дома аж две – двадцати пяти и пяти лет от роду.

Ладно, пора заканчивать с этим самосозерцанием и самопогружением. Вперед. В дорогу. На подвиг страна и родной райотдел зовут.

Поправив перед зеркалом модную куртку с накладными карманами, такие почему-то называли «москвичками», и нацепив блатную кепочку, Васин запер тугой замок кабинета.

Машины в райотделе сроду не было. То есть вообще никакой. Начальник не один год переписывался с областью, сетовал на большую территорию обслуживания и невозможность оперативно реагировать на сигналы. Но это был глас вопиющего в пустыне. Даже единственный мотоцикл, предназначенный для участковых, и тот сломался. Для перевозки арестованных присылали транспорт из области. А остальное – решайте сами. Стоило отметить, что после смерти вождя всех народов органы внутренних дел снабжались по остаточному принципу. Так что Васину предстояло в Березы добираться на перекладных, благо он имел право для служебной надобности остановить любую машину, только махнув удостоверением.

Внизу он задержался около дежурки и попросил:

– Передай начальнику. Я на выезд в Березы.

– Чего там стряслось? Почему не знаю? – заволновался дотошный дежурный.

– Не суетись. Просто сигнал один надо проверить.

– Оружие возьми. Положено.

– Да взял уже, – Васин похлопал по кобуре на поясе, скрытой курткой.

Он не любил носить свой «ТТ». Тяжелый, все время боишься, как бы не выронить его, – тогда хлопот не оберешься. С другой стороны, не от хорошей жизни такое указание вышло. Сотрудник милиции на службе двадцать четыре часа в сутки. А последствия бериевской амнистии до сих пор икаются.

Васин бодрой походкой направился вдоль улицы Героев Революции, единственной заасфальтированной в их поселке, да еще с многоэтажными кирпичными строениями. Здесь было управленческое ядро района. В трехэтажном каменном доме довоенной постройки расположились исполком, райком и еще какие-то районные конторы. Вдоль всего фасада красовался

транспарант «Дело партии – дело народа!» А на небольшой площади возвышался на гранитном постаменте памятник Ленину с поднятой рукой. Рядом приткнулись две номенклатурных «Победы» и пропыленный деревенский «газик». Дальше – пожарная часть с каланчой. Потом аккуратные двухэтажные кирпичные домики, построенные пленными немцами.

Улица выходила на междугороднюю трассу в сторону Вяземска. Там был стационарный пост ГАИ.

На посту Васин поздоровался со знакомым старшиной. Тот остановил пропыленную могучую семитонку – «МАЗ-200», кузов которой был заполнен досками и стройматериалами. Козырнул и строго осведомился:

– Куда следуем?

Напрягшийся было пожилой водитель в телогрейке спрыгнул из кабины на асфальт:

– В колхоз имени Урицкого.

– Отлично! – воскликнул Васин. – Довезешь народную милицию до Берез.

– Садись, – без особой охоты, но и без видимого недовольствия кивнул водитель.

Васин устроился в широкой кабине:

– Красота! Просторно. Места у тебя тут больше, чем у нас в камере для задержанных.

– Ну так! – гордо приосанился водитель и вдавил газ.

Мотор заревел, как бизон в брачный период.

– Солидно рычит, – отметил Васин.

– Машина – зверь, – с удовлетворением отозвался водитель. – Только запчастей вечно нет.

До Берез было больше тридцати километров. И Васин расслабился. День 13 мая 1956 года выдался теплый и солнечный. Машина мерно пожирала расстояние. За стеклом мягко текли колхозные поля и лесополосы, возвращенные в рамках сталинского плана преобразования природы. Серебрились озера, которыми славился район. И на оперативника снизошло умиротворение. Что-то светлое и ностальгическое окутало его – из далекого деревенского детства. Вполне безмятежного, кстати, но однажды разбитого вдребезги войной и голодом.

Но окончательно расслабиться Васину не дал водитель – начал ворчать за жизнь, в итоге накинулся на лейтенанта с обвинениями:

– Эх, милиция! Дармоеды вы, больше никто! Ворья вокруг развелось, как клопов в ночлежке. Куда ни плюнь – везде кто-то что-то тащит. Нет порядка в стране! Нет!

– Это почему же? – Васину стало даже как-то обидно за «дармоеда» – сутками на работе торчит, без сна и отдыха, за гроши, и вот тебе народная благодарность.

– Потому что товарищ Сталин умер. А новым нужна власть, а не порядок. Тьфу, – водитель в сердцах нажал на педаль газа, грузовик подпрыгнул на яме так, что у Васина лязгнули зубы.

Оперативник поморщился. Что-то в этом гласе народном было. Да, порядку меньше стало. И машина раньше в райотделе была.

– Дальше не проеду, – водитель остановил «МАЗ». – Вон, тебе через лесок. Там и Березы.

– Спасибо. – Васин выпрыгнул из кабины и направился бодрым шагом в сторону леса, через который вела извилистая проселочная дорога. На ней имелись следы автомобильных протекторов и велосипедных шин. Хорошо еще грязь подсохла. Иначе в городских ботиночках тут просто так не прошел бы. Тут сапоги требуются.

Идти было недалеко. Лес стоял густой. Но вот среди деревьев замаячило небо, блеснуло золото куполов Березовского храма. Как красиво! Васин всегда восхищался старинной русской архитектурой.

Пятикупольный храм на пригорке стоял немножко в стороне от села, до ближайших домов было километра два. Ограды не было, лес подходил прямо к подсобным помещениям и домику священника. Хорошее место для налета.

Васин уже решил было убыстрить шаг. Но вовремя замер, сердце сжалось. Он всем своим существом ощутил какой-то неясный пока еще непорядок. И только потом расчленил его на составные части.

Недалеко от домика священника стоял выдавший виды пыльный зеленый легковой «ГАЗ-69» с тентом. Около него прохаживался невысокий, похожий на обезьяну субъект с низким лбом.

«А не тот ли это Дюпель, который подвизался шофером в шайке?»

Выходит, бандиты уже здесь!

Не было печали, да черти накачали!

Глава 4

Васин спрятался за кустами, боясь пошевелиться, чтобы не привлечь внимание стоящего на стреме. Перевел дыхание. Его, кажется, не заметили.

Ох, не рассчитывал он сразу вот так, среди бела дня, столкнуться с налетчиками. Ну кто, спрашивается, в такое время грабит? Нарушение всех традиций!

Точно, это Дюпель! Так его Саша Циркач описал. Вон, присматривается. Деловито бродит вокруг машины. Постучал ногой по скатам и кивнул – мол, все нормально. Опять заозирался напряженно. Да, видно, что человек работает. На стреме стоять – это вам не воробьям дулю крутить.

Эх, жаль Ломова рядом нет. Бывший разведчик уж сообразил бы, как их тут всех штабелем положить.

И что теперь делать? Бежать за помощью в сельсовет, где есть телефон, звонить оттуда в отдел? Или двигать в Заозерск? Да за это время бандиты не только церковь, но и все село могут обчистить и скрыться неторопливым шагом. А если убьют кого ненароком?

Возникла предательская мысль – хорошо бы оказаться отсюда подальше, эдак километров за двести. В одиночку трудно с бандой воевать. Но факт был налицо – он именно здесь, а не за двести километров. И воевать придется.

Еще ничего, если у них перья да кастеты. А если волыны? Почему-то Васину показалось, что такая публика, да еще на машине, без ствола на дело не пойдет.

Ладно, воевать так воевать. Раззудись плечо. С чего начать? Со снятия часового, как гласит воинская наука.

Вон небольшой овраг подбирается прямо к территории церкви. Оттуда можно вынырнуть остороженько и спеленать Дюпеля. Дальше просочиться незамеченным к дому. А там главное заорать погромче: «Руки в гору! Стреляю! Вы окружены!» Только надо двигаться аккуратненько, чтобы травинка не шелохнулось.

Он осторожно сместился вправо. Спустился в овраг. И двинулся вперед.

Уже почти подобрался. Теперь нужно ждать удобного момента.

И тут из дома донесся крик. Точнее, смешение криков – женского и детского.

И все сомнения в душе Васина как волной смыло.

Дюпель обернулся, посмотрел в сторону дома, да так и застыл. А Васин рванул вверх. Рассчитывал преодолеть разделявшие его с бандитом несколько метров, прежде чем тот сообразит, что происходит.

Но Дюпель был настороже. Он обернулся и увидел Васина. Заливисто свистнул в два пальца. Полез за пазуху.

Но Васин уже был перед ним. И со всей дури, на инерции, саданул бандиту в лоб кулаком. Дюпель рухнул, как подкошенный. Удар у разозленного оперативника был убийственный.

До дома священника было десятка три метров. Один хороший рывок... Но все уже шло наперекосяк.

На крыльце дома возникла высокая атлетическая фигура в ватнике. В руке револьвер. Увидев бегущего в его направлении человека и лежащего Дюпеля, атлет медлить не стал. Вскинул руку. Грохнул выстрел. Пуля просвистела рядом с ухом Васина. Чуть не обожгла его.

Оперативник невольно пригнулся, кинулся вправо, согнулся за поленницей дров. Заорал что есть мочи:

– Стоять! Милиция!

И дрожащими руками принялся выдергивать из кобуры «ТТ». Тот по закону подлости выниматься не желал – он всегда цеплялся за что-то, когда был особенно нужен.

Потом все понеслось быстро, как будто кто-то на высокой скорости прокручивал киноленту. Из дома выскочили еще двое бандитов. Васин высунулся и открыл огонь. По нему пальнули в ответ. Но пока пули еще не находили свои цели.

Оперативник думал, что налетчики будут пробиваться к машине. И решил их не пропустить, чего бы это ни стоило.

Хуже всего, что в магазине у него оставалось только три патрона. А запасного он не взял. И все же он их не пропустит.

Но налетчики плюнули на машину и дунули с пригорка к речке. За ней лес и обширные, на многие километры, болота. Уйдут ведь!

А что делать? С тремя патронами много не навоюешь.

И все же он выскочил из укрытия и двинулся вперед. Побежал, увидел вдали три фигурки. Нет, не догнать.

Перестрелка закончилось. И тут его как кипятком ошпарило. Дюпель! За спиной! Даже не обысканный! А если у него ствол и он сейчас выстрелит в спину милиционеру-растяпе?

Но у шофера стремление было одно – подняться и вернуть фокус зрению. Приложил его кулаком оперативник знатно.

– Лежать! – Васин подскочил к уже вставшему на колени бандиту.

Ударом ноги снова распластал его на земле. Обыскал быстренько, извлек из-за пазухи видавший виды, но всегда надежный «наган». Потом вытащил веревку, которую всегда таскал с собой вместо наручников. Это Ломов научил его такому фокусу, уверяя, что хорошая веревка при конвоировании языка куда лучше любых кандалов.

Оперативник сноровисто и быстро связал пленного по рукам и ногам. Да еще пропустил веревку через рулевое колесо «газика», предварительно забрав ключи. Так что теперь водитель был намертво прикреплен к своему автомобилю.

– Сиди тихо! Дернешься – застрелю без разговоров! Понятно?

– Угу... Сука легавая...

Не обращая больше на него внимания, Васин кинулся в дом. Там перед ним предстала удручающая картина. Поповская семья была классическая, как с лубка. Огромный дородный батюшка в рясе, с бородой и крестом на груди. Тихая матушка в платке. И девочка лет семи. Они сидели связанные на полу. Женщина и девочка не плакали, а тихо поскуливали. У часто дышащего, зажмурившегося ребенка на ножке был ожог. На полу стояли мешки, куда была упакована церковная утварь.

– Милиция, – устало произнес Васин, нагибаясь над священником и пытаясь развязать его, – бандиты тоже умели пользоваться веревками.

– Они... Они Лидочку зажигалкой жгли, – пробормотал священник. – Говорили, давай клад закопанный. Вот же каиново отродье! Хуже зверей диких! А ничего у нас не закопано! Все пожертвования в приход сразу идут!

Васин посмотрел на находящегося в полуобморочном состоянии ребенка, перепуганного настолько, что он даже не голосил, а только жалобно стонал. Сжал в ярости кулаки. И прошептал едва слышно:

– Ну, твари бандитские. Встретимся с вами обязательно...

Глава 5

– Инна, я вернулся, – торжественным шепотом с порога объявил Васин. – Живой, здоровый и полный сил.

Жена не спала. Она всегда ждала его, если он не предупреждал заранее, что не придет.

– Почти вовремя. Всего четыре утра, – язвительно отозвалась она, тоже шепотом, чтобы не разбудить ворочающуюся на кровати за ширмой Ксюшку.

– Асоциальный элемент ну никак раньше не отпускает. Общества моего жаждет. – Васин присел за круглый стол. На сковородке давно остыли биточки и картошка.

– Так они тебя ищут или ты их? – хмыкнула Инна, неспособная долго играть в суровую неприступность.

– Куролесят гады в надежде на то, что я найду их и укажу путь раскаянья и честного труда. – Васин ткнул вилкой в биточек.

– Какой же ты болтун. – Она поднялась со стула, подошла, обняла его за плечи, притянула к себе и поцеловала в макушку.

– И ты не одна обладательница этой тайны...

Поев, Васин рухнул на кровать. Надо было хотя бы пару часов поспать. Днем его опять ждет бешеная рабочая круговерть. И Инне завтра Ксюшку вести в детсад, а самой на работу – в третью городскую больницу, где она трудилась медсестрой.

Вымотался Васин прилично. Но сон не шел, мысли то и дело возвращались к сегодняшним событиям. Вспыхивала картина перестрелки, но как-то отвлеченно. Накатывал запоздалый страх – ведь его могли убить, и тут же откатывал куда-то. Будто и не с ним все это было.

За годы работы в милиции в него еще ни разу не стреляли. Однако все когда-то происходит в первый раз.

Конечно, о сегодняшней стрельбе Васин жене не рассказал – нечего ей нервы трепать. Она и так на взводе, когда он задерживается. Рисует себе самые страшные картины в воображении.

А еще, ворочаясь в кровати, он мысленно подводил итоги. Его добычей оказались старенький «газик» с сомнительными документами о его принадлежности Тульскому управлению ДОСААФ. Старенький «наган». И пленный, на самом деле оказавшийся ранее судимым гражданином Толмачевым по прозвищу Дюпель.

Зная, что нужно ковать железо, пока горячо, Васин, вместо того чтобы идти домой к жене и дочке, капитально надел на задержанного. Тот, съездившись на стуле в кабинете районного розыска, в ответ на вопросы по существу только что-то нечленораздельно мычал и упорно долдонил, что проклятый мент ему голову отбил и он теперь ничего не соображает. Его слова подтверждала здоровенная шишка на лбу. Да, дал Бог Васину силушку богатырскую.

– А я тебе сейчас ясность ума верну, – напирал Васин. – У тебя ствол на кармане. Участие в банде. Покушение на жизнь сотрудника милиции. И светит тебе не Колыма, что, как у вас поется, «названа черной планетой». Светит тебе

расстрел. Ты вообще в курсе, что еще в 1950 году для самых отъявленных душегубов вернули смертную казнь?

- Душегуб? - взвился Дюпель. - Я душегуб? Да я сам жертва душегубов!

- Не пой мне сладких песен, соловушка. У меня нет музыкального слуха.

- Будь моя воля, никогда бы с такими зверьми не связался!

- А кто твою добрую волю забрал? - насмешливо любопытствовал Васин.

- Да бура и рамс проклятые!

- Уважаю. Разбойничьи игры, не какие-нибудь фраерские, - Васин блеснул познаниями в картах, которых набрался у старых уголовников, время от времени попадавшихся ему.

- Ну, так я ж и не фраер! - гордо объявил Дюпель.

Из дальнейшего сбивчивого рассказа выяснилось, что Дюпель после отсидки решил завязать. Вернулся в родную подмосковную Электросталь. На работу механиком устроился. В милиции дисциплинированно отмечался. Но непреодолимо тянуло его к корешам.

- Это как водка, - вздохнул он. - Вроде и знаешь, что нельзя пить, а все тянет и тянет.

Дальше его рассказ был туманный. Дюпель продолжал подворовывать. И в Мытищах на катране поигрывал с корешами. Туда и залетные прибывались. Однажды появился там Копач - прошаренный в воровских премудростях человек, но какой масти - непонятно. На вора не слишком похож. Но его опасались. Ему Дюпель и продулся в прах. Да еще должен остался. А долг - дело такое, если не отдашь, можно и на перо напороться ненароком.

Вот и взял Копач Дюпеля в шайку. Говорил, очень ему шофер и механик нужен. Потому что они не вшивота какая-то на одиннадцатом номере по делам добираться. У них все козырно - машина, стволы.

- И где вы колесили? – спросил Васин.

- Первый выезд для меня был! – воскликнул Дюпель.

- Что знаешь о подельниках? Имена хотя бы? Кто такой этот Копач?

- Миша вроде зовут. Да имя – вещь такая. Кем хочешь можно назваться. Хоть фельдмаршалом Кутузовым.

- Сколько человек в шайке?

- Еще двое. Коля и Шишак. Копачу лет сорок на вид. А этим пацанам лет по двадцать – двадцать пять.

- Кто они по масти?

- Так ясно же – пиковые. Разбойнички. Громилы, растудыть их! Вздор, а не масть!

- А по национальности?

- Да кто их поймет. Все бормотали на каком-то нерусском языке между собой... На молдавском, наверное. Сами смуглые. С южных краев. О себе не рассказывали ничего.

- Адреса, лежки, базы?

- Ничего не знаю. В Подмоскowie встретились. На территории колхоза какого-то машина стояла. Сели. Поехали. Добрались до Светогорска. Копач нас в старой школе, что под ремонтом, с машиной оставил. А сам где-то отрывался – в теплоте и неге. Он фартовый. На досках спать не будет.

...После всех этих событий и разговоров и пришел Васин такой измотанный домой в четыре утра. И теперь тщетно пытался заснуть, крепко обнимая Инну, как будто у него ее могли забрать.

Все же под утро он заснул. Не больше, чем на час. Но проснулся, как ни странно, вполне бодрый.

Он уже наметил вопросы, которыми будет час за часом долбить задержанного. Каждую деталь, каждую зацепку вытягивать, как Ломов учил. Ничего нельзя упускать.

Но дальше работать с налетчиком Васину не дали. В одиннадцать часов из Светогорска приехали на синей «Победе» с красной полосой и надписью «милиция» следователь областной прокуратуры и майор из ОУР УВД области.

Прокурорский следователь подробно допросил Васина об обстоятельствах происшествия. Вот вроде ни в чем оперативник не виноват, а все равно ощущение, как будто его изобличают. Но в итоге областники пожали ему руку за проявленное мужество.

– Правильно действовал, – объявил майор. – Большого никто бы так не сделал.

– Ломов сделал бы, – буркнул Васин.

– Ну, это отдельная песня, – хмыкнул майор. – Хорошо, что сам жив остался.

Гости забрали материалы и задержанного.

– Теперь это наши заботы, – сказал майор.

И отбыли.

А у Васина осталось тягостное ощущение незавершенности. И все вспоминался взгляд ребенка, которого пытали. И жгуче хотелось повстречаться с этим Копачом и его подручными. Ведь в конечном итоге это и есть смысл жизни опера угрозыска – сокращать популяцию всякой сволочи на свободе. А тут сволочь была отменная.

Потом навалилась текучка. Новые события. Пошла серия краж из сельских продуктовых лавок, и уже имелись наметки, кто это творит, но зацепить воришек никак не выходило.

А потом – новая зубодробительная встряска. Правда, на этот раз в Васина не стреляли. Его резали...

Глава 6

В углу кабинета бубнило радио:

«В Кремлевском дворце съездов состоялось собрание комсомольцев Москвы, с энтузиазмом откликнувшихся на Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о направлении молодежи на важнейшие стройки и предприятия в восточных и северных районах страны. Впереди молодых строителей, токарей, водителей, выпускников школ ждут великие стройки и огромные свершения!»

Васин встал и выключил радио. И так голова с утра тяжелая. Почти всю ночь не спал. У Ксюшки горло разболелось, поднялась температура.

– У тебя жар, дочка, – вздыхала Инна.

– Это хорошо, – на полном серьезе отвечала пятилетняя пигалица.

– Почему? – удивилась Инна.

– Ведь я тогда жар-птица.

– Лучше бы тебе пингином к утру стать, – хмыкнула Инна. – И температуру сбить.

Слава Богу, к утру кризис прошел. Сейчас жена ждет доктора. А Васин – как всегда, на боевом посту. Притащил в отдел и спрятал в камеру предварительного заключения очередного забулдыгу, стащившего мешок зерна на мельнице в Кузеево.

Надо бы после обеда домой заскочить, узнать, как там. Сердце все равно сжималось. Боль дочки Васин воспринимал намного острее, чем собственную. Такая она беззащитная, трогательная. И он – такой здоровый, суровый. Как два полюса Вселенной, единство и борьба противоположностей.

Когда Васин закончил с воришкой, тут же навалилась срочная писанина, которая отнимает у любого опера две трети рабочего времени. Так что домой он так и не зашел. Вдобавок страшно хотелось есть.

Васин отодвинул от себя бумаги. Глянул на часы – минутка-другая найдется, чтобы дойти до фабрики-кухни в трех кварталах от отдела.

Заперев в сейф документы, лейтенант двинул на обед.

Фабрика-кухня, она же рабочая столовка, располагалась в длинном здании бывшей монастырской трапезной прямо за рынком. Там же рядом была рюмочная, где всегда можно накатить душе, страждущей в муках аскетизма, стакан водки или разливного вина. Именно там Васин задержал воришку Колдыря.

Проходя мимо рюмочной, Васин бегло, но внимательно осмотрел толкущийся там элемент. Иногда таким образом можно наткнуться на того, кого давно ищешь. Или, что еще полезнее, увидеть – кто с кем пьет, что говорят.

Тут оперативник и наткнулся на буравящий его ненавидящий взор, аж с шага сбился. Кто же его тут так не любит? Ба, да это же Босота! Только что откинулся с зоны, видать.

Они в трудные послевоенные годы вместе были учениками на заводе сельхозоборудования имени Розы Люксембург. И, надо сказать, Босота с малых лет был редкостной скотиной. Есть те, кто с детства мечтает стать летчиками и покорителями Севера. А есть такие, что с яслей твердо намерены быть до гробовой доски скотиной и паразитом.

Встречаются же в мире врожденные антиподы. Васин – высокий, сильный, комсомолец, спортсмен, отличник и активист, открытый и искренний. Босота – мелкий, кривоzubый, неуправляемый, агрессивный, тупой, упертый, себе на уме и ненавидел всех, кроме себя.

Жили они в каких-то разных мирах. Васин осваивал рабочую профессию, штурмовал вершины борьбы самбо в обществе «Трудовые резервы» и занимался комсомольскими делами, хотя тяжелая работа и скудное питание, казалось, этому никак не способствовали. Босота кучковался с самой мерзкой шпаной, а потом и с ворами, которых расплодилось бесчисленное множество в первые послевоенные годы. Гопничал потихоньку, подворовывал. По малолетке его не сажали, а только воспитывали и брали на поруки, что он воспринимал как благословение на следующие подвиги.

Так бы они и жили в разных плоскостях, но встала между ними Инна, ученица Первой женской школы Светогорска. Почему-то Босота решил, что это его девушка. А Инна полагала, что она девушка Васина, который в ней души не чаял. В общем, такой любовный треугольник, где третий был явно лишним, но никак не хотел это принять. На этой почве гаденыш и вызвал Васина в обеденный перерыв на заводе поговорить, как пацан с пацаном.

Васина это тогда сильно удивило ввиду явного несоответствия габаритов и физических возможностей. Решил он дурака не бить, а просто зажать на болевой прием и объяснить, что тот не прав и у него на Инну шансов нет, о чем она сама неоднократно упоминала, в том числе и ему в лицо. Но когда вышли за курилку, он даже обернуться не успел. Быстрый, как очковая кобра, Босота саданул его финкой в спину. Чудом Васин тогда почувствовал атаку и уклонился. А потом так в сердцах засветил в челюсть дураку, что выбил два зуба.

Второй раз они столкнулись лбами после того, как Васин получил отпуск с погранзаставы, где доблестно служил Родине, за задержание нарушителей, а Босота откинулся с малолетней зоны. Повод? Ну опять же Инна, теперь учащаяся медицинского училища имени Пирогова.

Проводив свою теперь уже невесту, Васин шел домой, пребывая в эйфории. На темной улице к нему подвалил Босота с группой поддержки из троих отпетых гопников и по-блатному процедил сквозь зубы:

– Ты к Инне не ходи! Она моя!

– Ты ее купил? – осведомился Васин с прищуром. Его эта комедия давно утомила.

Слово за слово. Старшина-пограничник и чемпион военного округа по самбо, сильно не напрягаясь, отоварил нападавших с трех профессионально поставленных боксерских ударов, так что они, поскуливая, отползли в сторону. А Босота опять кинулся на него с ножом.

На этот раз Васин свернул ему руку и оттащил в милицию. Люди там оказались отзывчивые. Давно уже хотели Босоту прижучить. И тут такой случай.

После очной ставки в следственном изоляторе, когда следователь вышел из комнаты, Босота, придвинувшись к бывшему однокашнику, яростно прошипел:

- Ты стукач, Самбист. Зачем в наш спор ментов тянуть? У самого кишка тонка вопрос разрулить? Не по-пацански это. Как сука себя ведешь.

- Да нет у нас никакого спора, - хмыкнул Васин. - Я потерпевший от твоей неопикуемой дури. А ты преступник. И место твое на нарах.

- Ничего. Я тебя все равно на перо посажу, - злобно пообещал Босота. - Рано или поздно.

Дали ему немного - года два. Вышел. И Васин, будучи уже патрульным милиционером, задержал его, когда тот тащил с квартирной кражи мешок с одеждой и сапогами.

- Ты теперь враг мой до гроба, Самбист, - по дороге в отделение торжественно объявил Босота. - Пес ты цепной. Сволочь легавая.

- Да-а? - насмешливо протянул Васин. - Вообще-то я советской власти служу. Советская власть для тебя тоже враг?

Босота прикусил язык. Еще не хватало ему в политические попасть, там расклады другие, можно и башки лишиться. Потом прохрипел:

- Тебя не перебрешешь. Но все равно ты псина. И я тебя порежу. А Инка, сучка, моя будет, хочет или не хочет. Ты понял?

– Да давно я про тебя все понял. Можешь дальше не объяснять, какая ты отсталая и никчемная личность.

Васин хмыкнул от воспоминаний. Босота тогда сел. И вот теперь стоит за столиком в рюмочной. Вышел, значит. Ладно, потом проверим, где он и как жить собирается.

А как смотрит, стервец! Весь налился кровью. Если бы глазами можно было сверлить, то победитовым сверлом своего взора Босота просверлил бы оперативника насквозь, будь тот хоть в танке. Да и Бог с ним. По всякой мелочи пузатой тревожиться – никаких нервов не напасешься...

Выкинув на время из головы этот персонаж, Васин проследовал на фабрику-кухню. Очередь там уже спала – всего человек пять стояло перед раздачей. За столиками с бесплатным хлебом в тарелках и солонками с грубой крупнозернистой солью обедал народ с ткацкой фабрики и с рынка.

За три рубля Васин взял вкусные щи со сметаной, щедро политые бефстроганов с картофельным пюре и компот. Подумал, какой роскошью показался бы ему такой обед в том голодном 1947-м, когда он только приехал в город. Да, сильно и быстро изменилась жизнь с того времени. О голоде теперь никто и не вспоминает. Дома строят. Магазины полные. Цены несколько раз снижали...

В этот день Васин недооценил своего старого врага. Когда заходил в столовую, не видел, как Босота, чокнувшись со своим собутыльником и опрокинув водку, что-то начал бурно втолковывать ему. Кореш слушал сперва озадаченно, потом нахмурившись. Затем ответил что-то резкое и, покачиваясь, побрел прочь. И теперь Босота смотрел уже ему в спину все с той же злобой.

Наскоро перекусив, Васин вернулся на работу и с головой погрузился в дела. Допросить двоих крадунов. Составить рапорт по последним делам. Подчистить оперативное дело и решить, как его реализовывать.

В общем, только голову поднял, а за окном уже темно и все разошлись, кроме дежурного по отделу и участкового Павлюченко, олицетворяющего собой в едином лице дежурную опергруппу – на большее людей не хватало. Это в городе дежурят следователь, кинолог, оперативник. А в районе вот так – один Семеныч, и хватит.

Распрощавшись с коллегами, Васин двинул в темноту. Путь его лежал в самые дебри поселка Заозерный, по грязи и бездорожью, без света – фонарей почти не было. Бодро вышагивая, Васин принялся мечтать о временах, когда подбирающийся сюда областной центр укатает тут все в асфальт и вознесутся новые многоэтажные здания. Но это когда будет... А пока что ему предстояло добраться до своей комнаты в коммуналке на двенадцать нанимателей. И хоть ненадолго отгородиться от всего мира в уютном пространстве своей семьи. Спасибо заводу – дали тогда молодоженам отдельную комнату. Хоть тесное, но свое жилище.

Вот и его улица, состоявшая в основном из деревенских домишек с участками за штакетниками и сараями. А вон на их фоне огромная темная масса – это трехэтажный деревянный дом, где уютно горели желтые окна. На третьем этаже его ждут родные люди. И на душе вдруг стало так легко и хорошо. Так приятно и воздушно, что он едва не прозевал удар.

Нападавший притаился на крыше дощатого сарая, где жители многоквартирного дома хранят всякое барахло, не влезющее в комнаты. И спрыгнул оттуда, как ягуар на добычу.

Не будь у Васина чутья и превосходной реакции, его бы убили на границе шесть лет назад. Но эти качества тогда спасли его. Как и сейчас.

Не оборачиваясь, лейтенант прыгнул вперед, так что острое лезвие лишь пропорол на спине куртку, не достав до тела. Потом упал на колени, лезвие просвистело над его головой.

В полусидячем положении он крутанулся вокруг своей оси, подметая ногой вокруг себя. И сбил нападавшего с ног.

Тот упал с обиженным вскриком. А Васин уже был на ногах.

Дальше – дело техники. Нож – это очень опасное оружие в ближнем бою, в умелых руках страшнее пистолета. Тут даже чемпиону по самбо лучше не играть в заломы и захваты. Куда проще врезать ногой по руке и выбить оружие. А потом нагнуться и опустить руку-кувалду на голову нападавшему – притом так рассчитать, чтобы не убить того ненароком. А дальше можно на почти

отключенного противника навалиться, заломить ему руки за спину.

Только когда Васин завел руку противнику, понял, с кем сейчас играл в тореадора.

- Босота, - процедил он. - Опять ты, гниль человеческая!

- Сука, сука, сука... - стонал Босота, приходя в себя после удара и пытаясь вывернуться, - с таким же успехом можно пытаться сбросить свалившегося сверху слона.

- Не надоело на меня с ножом бросаться? - неожиданно успокоился Васин, отходя от адреналинового шторма.

Он связал пленного веревкой, которую всегда таскал с собой, и вздернул негодяя за шкуру с земли.

- Сука, все равно пришью! Ты сука! Убью-ю-ю! - уже не бормотал, а выл во весь голос Босота.

- Тише ты. - Васин дал ему увесистую затрещину. - Народ перебудешь.

От Босоты разило перегаром, в свете луны было видно, как по его щекам текут слезы.

- Пришью, су-у-ука-а, - уже гораздо тише проскулил Босота, будто его и правда взволновал сон местных жителей.

- Как говорят - двум разам бывать, третьего не миновать. Исчерпал ты свои попытки. Даже интересно, сколько тебе дадут за покушение на жизнь сотрудирика милиции. Там ведь до вышки, если ты не в курсе.

- Сука-а-а, порежу, - жалобно и уныло стонал, трясая головой, Босота.

Пришлось двигать обратно в райотдел, теперь уже с задержанным. Дежурный и участковый изумились, когда узнали, что произошло.

– Совсем озверела шелупонь, – покачал головой участковый. – На опера с финкой бросаться. На что надеялся, убогий?

– А-а-а! – вдруг истошно заорал Босота и попробовал ногой ударить Павлюченко.

У участкового, даром что полтинник разменял, рука была тяжелая. Получил Босота в лоб и устроился в камере для задержанных. И там продолжал орать и бить ногой в дверь. Угрожал всех порезать. Допрашивать его было бесполезно. В результате связали «ласточкой» – ноги к рукам, инструкциями это рекомендуется применять к беспокойным задержанным.

– Вот черт болотный, – покачал головой Павлюченко. – И месяца не прошло, как освобожден. И уже начал куролесить.

– Где он живет? – спросил Васин.

– С Люськой на Третьей Полянской.

– А давай заглянем к ней, – предложил оперативник. – Прямо сейчас.

В традициях НКВД и прочей госбезопасности – обыски производить по ночам. Этим и угрозыск порой грешил. Такая традиция имела некоторые рациональные обоснования. Оно так тише, удобнее. И не упорхнет птичка.

Полнотелая, кудрявая и слегка пьяная Люська распахнула дверь комнаты на втором этаже длинного барака, решив, что вернулся ее благоверный. Увидев двух сотрудников милиции, начала было качать права, но участковый цыкнул на нее:

– Сейчас договоришься у меня! Протокол – и на выселки!

– За что? – изумилась Люська.

– А что, не за что?

Судя по тому, как Люська моментально затихла, опасаться ей и правда было чего.

В итоге в комнате нашли самогонный аппарат. А еще обнаружили ящик водки, гору колбас и консервы.

– О как! Сдается мне, это с колбасного магазина в Рогачевском районе, – отметил Васин.

– Да, проходило по сводкам. Ну, вот и дело подняли, – удовлетворенно потер руками Павлюченко.

– Жалко, не по нашей территории, – с досадой произнес Васин.

– Да ладно. Территория у нас одна – СССР.

А соседям тоже надо помогать...

Глава 7

По краже с колбасного кооперативного магазина Босота поплыл сразу и даже как будто с готовностью. Это и объяснимо. Наука воровская гласит: бери сразу на себя меньшее, чтобы отмазаться от большего.

Разговор по душам в кабинете районного УР вели с задержанным Васин, а также второй и последний действующий оперуполномоченный Коля Митрофанов. Был он похож на счетовода, возрастом лет за тридцать и обладал цепкостью лесного клеща. Отвечал он за раскрытие имущественных преступлений и на Босоту смотрел с нескрываемым умилением, как на подарок судьбы.

– Ты давай, не стесняйся, – ворковал Коля. – Ну, просто мечтаю услышать от тебя о кражах, которые ты совершил на нашей территории.

Насупившись как сыч, Босота в итоге все же раскололся на кражу из частного дома в селе Бородинском.

Митрофанов потер пухлые ручки и ободряюще произнес:

– Да не тушуйся ты, мил человек. Вспоминай. Все, что вспомнишь, – сущая безделица по сравнению с покушением на убийство.

– Не было такого! – заорал Босота. – Не покушался я!

– Да-а? – делано изумился Васин.

– Пошутить хотел! Попугать! Мы же с детства знакомы. Считаю, друзья, – скривился в кривозубой фиксатой усмешке Босота. – А ножичек – так всегда с собой таскаю!

– Не отмажешься, – покачал головой Васин. – За все ответишь. По всей строгости. Пора тебя изымать из общества и надолго.

– Ну что ты парня совсем запугал, – заулыбался Митрофанов. – Он же понимает, осознает. С милицией надо дружить. Глядишь, и послабление по основной статье выйдет. Так, а что с кражей в Тупилино?

– Не моя! – взвизгнул Босота.

– Ты так категорически уверен? – ласково посмотрел на него Митрофанов, но в его голосе лязгнула сталь. Босота поежился и начал говорить.

Васин махнул рукой и вышел. Ему было неинтересно смотреть, как Митрофанов будет вешать на Босоту заведомо глухую кражу в деревне Тупилино. С одной стороны – ничего хорошего в такой самодеятельности опера нет. С другой – отчетность висит над головой, как топор острый. Процент раскрываемости, черти его дери! Вот и приходится хитрить.

Стрелки часов неумолимо двигались вперед. Через десять минут отходит автобус на Светогорск, следующего ждать два часа. Нужно успеть на встречу с другом, учителем и кумиром, а заодно старшим оперуполномоченным областного УВД майором Ломовым.

Тот позавчера вернулся из командировки. Позвонил и назначил встречу в УВД. Сказал, что это важно. Но что в этой важности – хорошее или плохое? Пропесочить Ломов мог так, что мало бы никому не показалось. Но и похвала его

дорогого стоила.

Васин догадывался, что вызов связан с его перестрелкой. И теперь напряженно думал, выйдет она ему боком или наоборот. Прокурорский следователь и майор из Управления руку жали, хвалили за отвагу. Но у Ломова другие критерии. И Васина они волновали куда больше, чем если бы его вызвал к себе сам начальник областного УВД.

Когда Васин добежал до остановки рядом с ткацкой фабрикой, желтый автобус марки «ЗИС» с квадратной мордой уже отходил.

– Бракодел, – под нос прошептал Васин, заскакивая на подножку.

Автобус появился на пять минут раньше времени. Водитель ждать не стал, просто собрал всех с остановки и отправился. Ему все равно, что кто-то из пассажиров не успел. Вот же хамская порода – минимум сознательности, зато все жлобство напоказ.

В автобусе, переведя дыхание, Васин хотел было пробиться к водителю и высказать ему претензию. Но понял – не протиснуться. Толпа была плотная и недоброжелательно-угрюмая, как обычно бывает в подобной давке. Автобусы ходили редко, желающих добраться до областного центра скапливалось много.

– Молодежь, – заворчал старичок с авоськой, в которую были плотно уложены матерчатые свертки. – Все торопитесь. Бежите. И никуда не успеваете!

– Жизнь такая, дедушка. Скоростная, – откликнулся Васин...

Глава 8

Майор Ломов сидел за столом и изучал позицию на шахматной доске. От этого интересного дела его оторвал возникший на пороге Васин.

– Привет, студент, – майор привстал со своего массивного дубового и надежного, как лафет пушки, стула, который только и мог выдерживать его солидный вес.

– Здравствуйте, шеф, – Васин пожал протянутую ему необъемную железную ладонь.

Старший оперуполномоченный Ломов трудился в царских условиях. Под крышей четырехэтажного здания УВД ему выделили пусть тесный, но отдельный кабинет. Из окна открывался вид на площадь Маркса и здание облисполкома.

В кабинете нашлось место массивному сейфу дореволюционной работы, с вензелями и узорами, на мощных опорах. Еще – узенькому столу, паре стульев и шахматной доске – ну куда без нее.

Все хорошо, только вот стены явно жали в плечах старшему оперуполномоченному Ломову с его почти двумя метрами роста и довольно плотным телосложением. Казалось, он заполнял собой все пространство.

Ломов аккуратно поставил на подоконник шахматную доску, освободил стол и жестом пригласил гостя присесть.

Хозяин кабинета был фанатик шахмат. Не из тех, которые совершенствуют свое искусство и стремятся побеждать на любительских областных чемпионатах, он любил шахматы как явление. Жадно ловил новости из этого мира. Знал всех чемпионов и кандидатов, их игры, кто кого на каком ходу прижал. Его восхищали тайные движения в мире шахмат, многочисленные интриги. На столе у него стояла в рамке фотография, где Ботвинник добивал Файна на чемпионате мира в Гааге в 1948 году.

Сам майор тоже играл неплохо и в свое время приобщил к этому делу Васина. Они азартно резались в кабинете УР Заозерного района, когда выдавались немногие свободные минуты. Васин вроде бы наблатыкался в этой древнеиндийской игре, но выиграл у Ломова всего лишь один раз. Тогда майор обиделся как ребенок.

– Ну что, – произнес Ломов, разглядывая Васина с таким интересом, будто увидел его в первый раз. – Будем проводить воспитательную работу, по-русски именуемую разносом.

– По какому поводу? – осторожно полюбопытствовал Васин.

– По поводу твоего неопишуемого героизма в Березах, – майор саркастически скривился. – Читал твои рапорта и мемуары, читал.

Васина это кольнуло. Он считал, что своими действиями заслужил если не медаль, то благодарность или хотя бы слова одобрения. А тут – разнос.

– Слушай, Порфирий, как ты вообще в погранвойсках выжил? – спросил Ломов.

– Выжил. И даже медаль «За отличие в охране государственной границы» получил. Кстати, за задержание вооруженных нарушителей.

– Значит, там старался, а в милиции решил расслабиться на всю катушку.

– Да почему?! – взвился Васин.

– Не, ну так-то ты, конечно, герой... Только не наш герой, а античный. Который сначала делает, потом думает. По пунктам разберем?

– Давайте, шеф, – вздохнул Васин.

– Отправился ты на место один, как на пикник в английском парке. На подходе должным образом не огляделся. Опрометью бросился в бой. Того, кто на стреме, свалил нормально. Но дальше? Даже не обыскал его. Оставил за спиной бандита с оружием! Это как вообще?

– Я его качественно вырубил.

– А если бы он очнулся на минуту раньше и вклепил бы тебе пулю в спину? Ну, да ладно. Дальше начинается настоящая потеха. Пострелушки-побегушки. Снайпер из тебя, понятно, аховый. Весь магазин высадил, и все без толку. А второго магазина ведь не было?

– Не было, – нахмурился Васин, перед которым его подвиг постепенно представал в совершенно другом свете.

– Твое счастье, что бандиты тоже не отличались боевой выучкой. Ну, прямо как ты. Не поняли, что перед ними герой-одиночка. Испугались. Иначе обошли бы

тебя, с пустым-то магазином. И не ломались бы через лес пешком, а со свистом и песнями убыли бы на машине. Махая твоим скальпом. Вот такой мы наблюдаем позор.

- Не все в ОСНАЗ НКВД служили, - огрызнулся Васин. - Но шофера-то я все же взял!

- Петрушку, который ничего не знает? Взял. А остальная стая - на охоте. Клыки у этих волков давно в крови. И что они на свободе - твоя вина. Так?

- Так, - вздохнул Васин. - Готов понести наказание.

- Понесешь. Я его тебе уже придумал.

Васин зябко поежился. Выговор? Заслужил. С работы попрут? Тоже заслужил. От этой мысли в груди стало как-то пусто. Он вдруг подумал, что работа перестала для него быть работой. Она как-то незаметно стала самой жизнью. Хотя что тут поделаешь? Завод его всегда обратно примет. Ну, не просить же слезно, не унижаться. Сам наворотил - самому и отвечать.

- Что? Сдать удостоверение? - каким-то чужим голосом произнес он.

- Чего? Слушай, студент, ты совсем сбрендил?! - Майор вытащил из ящика стола картонную папку и протянул Васину: - Для начала ознакомься. У нас серия идет!

Лейтенант открыл папку и углубился в изучение содержимого.

И по мере того, как он пролистывал документ за документом, в нем поднималась злость, переходящая в глухую ненависть.

Справки, выписки, сводки из разных областей России.

«Неизвестные преступники на грузовой автомашине „ГАЗ-АА“ прибыли в село Чулпановка, где совершили разбойное нападение на дом настоятеля храма Святой Богородицы. Хозяин дома и его жена после пыток убиты. Преступники завладели значительным количеством предметов церковной утвари, деньгами,

золотыми изделиями».

«Неустановленными лицами совершено нападение на настоятеля православного Храма села Раскатово. Потерпевший получил тяжкие телесные повреждения. Похищено значительное количество ценностей и денежных средств».

Документы были за последние четыре года. Серия налетов и убийств длинная. Уже под двадцать эпизодов. В основном жертвами становились священнослужители, также преступники не оставили своим вниманием вещевой склад и промтоварный магазин. Пять трупов, из них двое детей. Бандиты практически на каждом налете применяли изощренные пытки, принуждая потерпевших выдать спрятанные сокровища. Работали три-четыре человека. Посещали отдаленные районы областей Центральной России. И непременно использовали автотранспорт, в основном полуторку «ГАЗ-АА». Из оружия у них имелись обрез и несколько револьверов системы «наган».

Васин становился все смурнее. Он был деревенским мальчишкой, когда закончилась самая страшная в истории война, забравшая бессчетное количество жизней, разрушившая города и села. Казалось, вот победим и не будет больше в мире места жестокости и подлости. И заживут все люди счастливо, в трудах, в созидании новой жизни.

Победили. Вот только люди остались те же. Кто-то созидал, восстанавливал страну, а кто-то захребетничал, воровал и грабил. Банды вооружались трофейным оружием и убивали без особых сомнений, помня, как мало еще недавно, в войну, стоила человеческая жизнь и как дорого стоит собственная шкура паразита. Но закатали рукава советские и разогнали всю шушеру по пыльным углам. Однако, не угомонится зверье никак. То тут, то там возникают – с волынами да с перьями. И, чтобы сладко жрать, пить и ничего не делать полезного, грабят и убивают. Да и амнистия 1953 года, которая едва не ввергла страну в криминальный хаос, дала возможность этим стервятникам крылья расправить.

Васин угрюмо посмотрел на фотографию, на которой были изображены трупы вырезанной семьи, и произнес:

- Это же фашисты настоящие.

- Похожи, - согласился Ломов. - И для фашиста, и для нашего бандита кровь - что водица. Пьют ее упыри проклятые и только причмокивают. Только вот фашисту мы осиновый кол в грудь вогнали. А за нашими кровососами все бегаем.

Он вытащил еще одну серую папку и положил перед Васиным. Тот открыл ее и недоуменно уставился на документ.

Первое, что бросилось в глаза, шапка «Генеральная прокуратура СССР». Потом он прочитал слово «Приказ» и ниже текст:

«Включить в следственно-оперативную группу:

- майора милиции Ломова М. С.

- лейтенанта милиции Васина П. Н.»

- Что это? - спросил Васин.

- Твое дисциплинарное наказание, - с охотой пояснил Ломов. - Будешь теперь искать банду этих архаровцев. До тех пор, пока не найдешь.

- А Генпрокуратура тут при чем?

- Там создана следственно-оперативная группа по серии разбойных нападений. Отдельные случаи проанализированы. Уголовные дела объединены в одно. Ведет его старший следователь Александр Львович Апухтин. Слышал о таком?

- Нет.

- Ну да. Молод еще... А стоило бы услышать...

Глава 9

Копию приказа Васин привез начальнику РОВД. Тот предсказуемо взбесился.

– Это что такое? – хлопнул Караганов ладонью по служебному столу, накрыв пятерней лежащую перед ним бумагу. – Это у меня на всю территорию один оперативник остается! И пять участковых, из них два калеки! А кто дела будет раскрывать? Вчера в колхозе «Светлый путь» двух волов увели! Кто их искать будет?

Васин пожал плечами. Начальник яростно посмотрел на него и продолжил кипение:

– А ты и рад, что тебя батрачить на дядю забирают! О коллективе подумал?!

– Товарищ капитан! – вздохнул Васин. – Понимаете, я же в Березах тех душегубов упустил.

– Да чего ты тут изображаешь раскаянье? Грамотно сработал. Ну, не сумел, бывает, – сбавил градус накала начальник. – Не все же в наших силах. Бывают и проколы. У кого их не бывает?

– И все равно, – твердо произнес Васин. – Я упустил. Лично. И все, что они натворят, будет на моей совести. Я не успокоюсь, пока их не найду. Поэтому – да, я рад.

Начальник задумался. Потом спросил:

– А сможешь найти?

– Смогу, – с неожиданной уверенностью произнес Васин.

– Ладно, Порфирий. Дерзай. Сейчас передашь находящиеся в производстве материалы по описи Митрофанову. Оперативные дела за тобой остаются – ты же не навечно отбываешь в область.

– Не навечно.

– Так что за тобой реализация... Давай, удачи, – он привстал и протянул Васину руку.

Лейтенант ушел. А начальник так и остался в дурном расположении духа. Ведь черт-те что творится. Давно он в органах работал – и постовым, и участковым, и во внутренних войсках бандеровцев по лесам гонял, от чего к перемене погоды ноет простреленная нога и засевший в боку осколок. Всякие были времена для системы. Но сейчас стало как-то совсем тоскливо. Ощущение, что на «внутренние органы» просто решили наверху плюнуть. Материальное обеспечение на нуле. Штаты... Это вообще отдельная песня. На такой большой район всего три опера. Люди на службу не идут. Если бы не партийные и комсомольские путевки, вообще бы без личного состава остались. Ну, кто пойдет, если зарплата постового – шестьсот рублей, а опера – аж целых девятьсот? Это очень мало. Транспорта нет. Раньше хоть был в районе отдел МГБ, но после всех реорганизаций, слияний и размежеваний ведомств, последовавших с приходом Хрущева, осталась в районе только милиция. Ну и прокуратура, которая в последнее время больше палки в колеса вставляла, чем помогала. Так что все основания для печали у начальника РОВД были. И, главное, не видно никаких перспектив на изменение к лучшему.

А Васин в силу молодости и оптимизма предпочитал о таких вещах не задумываться. Он был на взводе и в предвкушении. Его ждала интересная и, главное, важная работа.

Приезда следователя Генеральной прокуратуры он ждал с опаской. В его представлении люди такого уровня были кем-то вроде олимпийских богов. Восседали выше облаков и при желании метали убийственные для простых смертных громы и молнии.

Вообще, следователей Генералки – считанные единицы. И каждый из них был фигурой штучной и даже легендарной. Каждый прославился уникальными делами. Такими, которые остаются потом в учебниках по криминалистике, в лекциях в юридических институтах и школах милиции.

Об Апухтине Васин поразузнал у коллег. По их рассказам, это прямо былинный богатырь, который как орехи щелкал серийных убийц, поднимал дела

двадцатилетней давности.

Во вторник Васина и Ломова пригласили в здание областной прокуратуры, бывшее некогда резиденцией губернатора. Там для следственно-оперативной группы был выделен просторный кабинет – в футбол играть можно. Потолки пять метров, лепнина, колонны и даже мраморный камин. Это бывшая комната отдыха и совещаний. Там уже были расставлены несколько столов, стульев и металлических ящиков для документов. А через всю стену шел кумачовый транспарант, который не удосужились снять – «Выполним решения XX съезда КПСС!»

Васин ожидал увидеть в лице следователя Генеральной прокуратуры такую неприступную суровую глыбу. А Апухтин оказался низкорослый гриб-боровик, лет за пятьдесят, седой, курчавый, похожий на хорошо знакомого Васину снабженца с местной автобазы, – такая же хитринка и прищур. Пиджачок старомодный, с узкими плечами, ботинки дешевенькие. И сам какой-то совсем обычный.

Апухтин долго тряс руку Ломову. Это сопровождалось восклицаниями вроде «опять вместе, ну, прям как в войну». Вообще, у Васина создавалось впечатление, что в правоохранительной системе майор знает всех и все знают его.

Васин не представлял, как общаться с таким высоким начальством, вел себя так, как учили в армии: стойка смирно, «так точно», «никак нет», «виноват».

А следователь смотрел на него весело и с иронией. Так что Васин совсем смешался.

С Апухтиным прибыло двое. Оперативник из МУРа, сам похожий на закоренелую шпану, – невысокий, подвижный, в курточке-обдергайке, с циничным взглядом и донельзя нахальный. И второй – солидный, могучего телосложения старший лейтенант из Белгородской области.

Усевшись за самый просторный стол, покрытый зеленым сукном, следователь объявил:

– Коллеги, отныне вы следственно-оперативная группа Генеральной прокуратуры, что накладывает на вас определенную ответственность.

Васин закивал. Тут не поспоришь.

– Не люблю толочь воду в ступе. Коротенько об основных правилах нашей совместной деятельности. Отныне на первом месте для вас работа. На втором – тоже работа. И на третьем – работа. Со мной можно спорить. Со мной можно не соглашаться. Меня можно ругать, в том числе в лицо. Но только если по делу. Если решение принято, выполнять его на двести процентов.

– Двести – это как? – подал голос развязно закинувший ногу на ногу оперативник МУРа.

– Сто процентов – это само указание, – с готовностью пояснил Апухтин. – И еще сто процентов – это личная инициатива.

– Говорят, инициатива наказуема, – не успокаивался муровец, Васина он начинал раздражать.

– Ради разумной инициативы прощу все на свете. И выручу из любой ситуации. Лишь бы был результат, – отчеканил следователь. – И немножко пафоса, коллеги. Вы должны понять, это дело – наш окоп. Перед нами – опасные бандиты, убийцы и человеческое отребье. За нами – наши честные советские люди, которых уголовная мразь идет убивать. Мы – их надежда и защита. И потерпеть поражение мы не имеем права. Чего бы нам это ни стоило.

Васина даже дрожь проняла, настолько искренне и доходчиво прозвучали эти слова. И насколько они совпадали с его личными ощущениями.

– А теперь к делам нашим грешным, – продолжил Апухтин.

Не растекаясь мыслью по древу, он очень четко обрисовал сложившуюся ситуацию. Поведал, как инициативно, перебирая информацию с регионов, три месяца назад пришел к выводу, что в центральной полосе России неустановленная банда совершила серию из почти двадцати налетов. Как добился объединения дел в одно производство. Как до сих пор плутает в

потемках.

На сей день в следственно-оперативной группе имеется еще несколько оперативников и следователей, но работают они в своих регионах. А приехал он именно сюда, потому что здесь пойман единственный фигурант.

- Задержанного лейтенантом Васиным шофера банды я уже допросил, - проинформировал Апухтин. - Вроде бы он искренен. Во всяком случае, его показания сходятся с другими материалами дела.

- А толку-то, - поморщился Ломов. - Никакой конкретики.

- Да. Толку немного, - согласился следователь. - Зацепка по месту знакомства с этим самым Копачом в Мытищах. Товарищи из Московской области сейчас работают по тому катрану. Но мне кажется, что Долмачев что-то недоговаривает. И чего-то очень боится. Настолько, что замкнулся на первоначальных показаниях.

- Так можно надавить, - сжал кулак Ломов.

Давить он умел. Его массивная фигура, сила, уверенность, чутье - он раскалывал практически всех.

- Попытка не пытка, - кивнул Апухтин. - Но мне кажется, это тот случай, когда человек замыкается намертво. И тогда уже и пытка не поможет. Так что давить на него пока слишком сильно не надо. Стоит организовать хорошую внутрикамерную разработку.

- Найдем, кого подвести, - заверил Ломов.

- Неплохо, если он весточку на волю решит передать, - дополнил следователь.

- Отработаем.

- По главарю. Личность очень скрытная. Копач - не единственная его кличка. Имени никто не знает.

– Они вроде какие-то южные люди, – подал голос Васин и тут же прикусил язык – нечего влезать, когда большой начальник говорит.

Но следователь на церемонии внимания не обращал.

– Это не южные люди, – сказал он. – Вот и переходим к самому главному. Это цыгане.

– Цыгане? Точно? – Васин аж подался вперед, у него самого была такая же версия.

– Именно. Мы перелопатили все наши архивы. Но так и не подобрали ничего подходящего. – Апухтин отпил чай из стакана в серебряном подстаканнике и продолжил: – Известно, что Копач имеет некоторые контакты с воровской средой, но не слишком плотные. Суть в том, что он цыган, и опора у него только на своих сородичей. Они же там все родственники. Совершают преступления, как правило, семейным подрядом. Краденое сбывают через семьи. Все у них крутится в их среде. Если где и искать нужные нам сведения, так это у цыган. Они там все друг о друге знают.

– Отдельная страна, – хмыкнул Ломов.

– Как у нас с оперативными позициями в цыганской среде? – спросил Апухтин.

– Практически нет, – поморщился Ломов. – Не подпускают они к себе чужих.

– Плохо, – произнес Апухтин. – Но предсказуемо. Такая ситуация везде. Мы в этой среде слепы и глухи.

– Да сколько пытались...

– Давайте пытаться еще. Если кто и сможет на архаровцев наколку дать, то только цыгане... – Апухтин выдержал театральную паузу. – Как вы думаете, почему я решил организовать штаб здесь?

– По последнему преступлению, – подал голос муровец. – Хотя в Москве сподручнее было бы.

– Копач несколько экстравагантен, – заявил Апухтин. – Не знаю, может, ему запала в голову идея о плановой экономике. Но так или иначе, ежегодно он бомбит только одну область.

– Странно это, – отметил белгородец.

– Странно, – подтвердил Апухтин. – Но всему должно быть объяснение.

– То есть, если он начал с нас... – задумчиво произнес Ломов.

– ...тогда он где-то здесь, – завершил мысль Апухтин. – И мы ждем следующего налета именно здесь, в Светогорской области...

Глава 10

– Ворую?! – возмутилась цыганка, глядя на Васина, как на клопа, которого уже пора бы и раздавить. – Я?! Да, ворую! А ты меня за руку поймай, ментовская твоя душонка, потом упрекай!

– Зачем воруюшь-то? – спокойно осведомился Васин, глядя на закутанную в бесчисленные юбки и кофты поджарую смуглую цыганку, как тигрица мечущуюся по тесному кабинету отдела железнодорожной милиции.

– А когда у тебя пять детей будет и кормить их не на что, тоже воровать пойдешь! – Цыганка нависла над Васиным, в ее голосе звучали обличительные нотки. – Голод страшнее Бога! А ты-то чистенький весь такой да гладенький. Черт рыжий!

– А работать не пробовала? – с усталым спокойствием поинтересовался Васин.

– А я и работаю, – гордо подбоченилась цыганка.

– Где?

– Вору!

– Значит, признаешься!

– А ты поймай, тогда признаюсь!

– Понятно. – Васин посмотрел на нее и гаркнул неожиданно, с рыком, как учил Ломов, чтобы ошарашить человека: – Села! Заткнулась! Отвечаешь только на мои вопросы!

Цыганка изумленно уставилась на лейтенанта и невольно приземлилась на стул.

«Вот же удружили товарищи командиры», – подумал в который уже раз Васин.

Следственно-оперативная группа за дело взялась споро. Васин теперь мог на деле увидеть, что такое настоящее, дотошное планирование, когда каждая версия рассматривается со всех сторон и тут же находятся действенные средства для ее проверки; мог оценить, как методично, будто мельница, работает следственно-розыскная машина.

Объем задач стоял очень большой. Все участники группы были загружены по самую макушку. Не зря Апухтин говорил, что для его сотрудников работа на первом, втором и третьем местах. Да и всей областной милиции тоже не давали расслабиться.

Следователь исходил из того, что архаровцы готовят удар в области, значит, они должны где-то отлеживаться, как-то передвигаться. Поэтому теперь у каждого постового были фотороботы налетчиков. Проверялись все машины. Шерстились гостиницы, частный сектор. Ну и, конечно, места сосредоточения преступного элемента. Был сориентирован весь подсобный аппарат органов внутренних дел. Осведомители из кожи вон лезли, чтобы добыть информацию, поскольку опера обещали им золотые горы, если помогут раскрыть преступление.

Васину досталась самая токсичная линия. Но вместе с тем, возможно, и самая перспективная – работа по цыганам. И теперь он мотался по всей области, пытаясь нащупать нить.

Вот и сегодня прибыл на станцию Абызовка, место недавнего «мамаева побоища».

Тут цыганский табор, накануне хорошо почистивший районы области гаданием, попрошайничеством и мелкими кражами, решил отправиться в дальние тучные края. На Абызовке цыгане ломанулись в почтово-пассажирский поезд. Как всегда, у них – на три билета в плацкарте человек семьдесят. Все галдят, толкаются. Проводники из последних сил пытаются не дать этой толпе оккупировать поезд.

– Чего не пускаешь? – орут цыганки. – Вагон большой! Места всем хватит!

Толпа прорывается в вагон. Тюки, баулы, сопливые дети, крики, шуршание юбок и мат. Нормальный такой табор. Стандартный.

На беду цыган, на станции был линейный отдел милиции. Так что служители порядка вовремя подоспели с призывами к законности и порядку.

Ну и началось. То же самое – крики, визги, только куда выше по тональности и накалу. Вопли, когда цыганок пытались оттащить в отдел, доносились до небес, будто с них живых кожу сдирали и солью посыпали. Ну, и типичный набор пожеланий «проклятым легавым»: «Чтоб у тебя на лбу рог вырос!», «Чтоб твоя жена тебе арапчонка принесла в подоле!», «Чтоб тебя клопы съели!» Ну и дальнейший перечень добрых пожеланий, в том числе на цыганском: «Тэ прокхандэ?л тро шэро?!»

Соппротивление милиции постепенно переходило в драку. Женский батальон, черти его дери. Это самое худшее, потому что милиция не знает, что с ними делать. Слабый пол! С мужиками все ясно – пятерых сопровождавших женщин цыган быстренько приструнили, бока намяли. А как поступить с визжащей благим матом цыганкой, которая от избытка эмоций швыряет в тебя годовалого ребенка?

Милиции совсем пришлось бы туго, если бы не дислоцирующаяся рядом железнодорожная армейская часть. Ее командир всегда был рад прийти на помощь родной милиции и делал это без докладов с согласованиями. Так что общими усилиями армии и милиции с цыганами справились.

В железнодорожный отдел весь табор не поместился. Самых буйных, по которым нужно будет принимать процессуальное решение, распихали в камеры. А остальных загнали в здание строящейся свинофермы, выставили охрану.

– Для вас, ментов, – что цыган, что свинья! – орала пожилая цыганка. – Я Хрущеву напишу! Он цыган уважает!

Да уж, как уважает Хрущев цыган, были наслышаны многие. Его «уважение» им давно икается Указом 1954 года о борьбе с их вольницей.

Узнав об этом событии, Васин выехал на место, переговорить с неистовым народцем. Его интересовал один вопрос – не возникал ли здесь Копач, не знает ли кто его. А для этого нужно развести цыган на разговор. Болтать-то они горазды. Но вот что-то конкретное из них выудить – тут надо сильно постараться.

– Пять детей, говоришь, – задумчиво произнес Васин, разглядывая буйную цыганку.

– Пять, – с вызовом воскликнула цыганка.

– Пять детей. Пять лет без матери. Меньше за хулиганство и сопротивление милиции не получишь. Такая вот забавная арифметика.

– Вот еще, – презрительно фыркнула цыганка, но глаза ее испуганно забегали.

– Увидишь. И очень скоро. Единственный способ снискать снисхождение – быть с нами покладистой.

– Ха, не лечи леченую.

– Ну, как знаешь, – Васин начал приподниматься. – Разговор закончен...

– Чего хочешь-то? – уже спокойнее спросила цыганка.

– Это другое дело. – Васин открыл портфель и вытащил фотороботы архаровцев. – Твои сородичи. Кого из них видела?

Цыганка равнодушно посмотрела на изображения.

- Да не. Нам своих мужиков хватает. Вон, Зара своего топором зарубила. Так тут же к ней новый мужик прилип.

Васин нахмурился. Вот и думай - правду говорит или издевается.

Цыганка продолжила:

- Мы своим табором кочуем. Никто к нам не прибивался.

У Васина почему-то возникла твердая уверенность, что она не врет. Задав ей еще несколько вопросов и получив более-менее откровенные ответы, оперативник подытожил:

- Ладно. Попрошу ребят, чтобы тебя не слишком обижали.

Переговорил он еще с некоторыми представителями табора. Все без толку. Похоже, Копач к ним никакого отношения не имел. Вычеркиваем еще один пункт. Сколько этих пунктов уже было.

Васин взялся за дело с молодецким задором. Мотался с утра до вечера по городу. По цыганским поселкам. Агентуры там практически не было, но у местных оперативников и участковых возникли с цыганами определенные отношения, которые позволяли задавать вопросы. Главное - нащупать след Копача.

Кроме того, лейтенант старался переговорить практически со всеми цыганами, задержанными милицией и доставленными в отделы. Даже в местную колонию заглянул. Там томился цыганский барон. В прошлом году он сопровождал табун своих «рабочих лошадок» - цыганок с детьми. Нескольких замели за кражу. И барон с остальным табором заявился в милицию их вызволять. Пошумели знатно. До стрельбы дошло. А потом и до народного суда.

Разговоры, разговоры... Большинство - вот на такой же истерической нотке, как с этой цыганкой: «Чего вы к нам пристали, чего вам от нас надо, палачи?!»

Васин втирался в доверие, льстил, заискивал, орал, угрожал. В общем, использовал весь арсенал психологического давления. И погружался в это болото все глубже.

От этого мельтешения в глазах рябило. Голова кружилась, как карусель в городском парке. Дни превратились в сплошное месиво, в котором мелькали цыгане. Много цыган. Точнее, одни цыгане. Хотя примерно такого он и ожидал.

С первых дней работы в милиции эти самые цыгане исправно портили нервы ему лично и роняли процент раскрываемости его райотделу. Сколько же времени и сил пришлось убить на этот неугомонный народец! Именно цыгане давали львиную долю имущественных преступлений, жили в условиях анархии и на Советское государство предпочитали плевать.

В начале пятидесятых они массово гнали в Светогорскую область лошадей с Украины, из Белоруссии, с юга России. По правилам на животных должны были быть паспорта, но, понятное дело, таковых они представить не могли. Тогда Васин наглядно оценил, что цыган-конокрад – это вовсе не сказочный персонаж, а самая что ни на есть распространенная реальность. Было у цыгана две ноги, Бог ему четыре додал.

Тогда у колхозов и крестьян с лошадьми было совсем плохо. Тягловая сила и рабочая лошадь – это бык. Неважная замена, скажем так. И у колхозов была тогда главная задача – пополнить поголовье лошадей. Без них на деревне совсем кисло. Вот и меняли колхозы двух быков на одну лошадь. Конокрады этим активно пользовались.

Зачем цыганам нужны были быки в таких количествах? Да очень просто. В Залесянском районе работала без выходных и проходных артель «Красный Октябрь». Там быков принимали по тысяче рублей за одну животную единицу. После чего пускали на колбасу.

Ну и, конечно, донимали область кочующие таборы. Гаданья, кражи, мошенничества шлейфом тянулись за цыганскими кибитками. И управы на них никакой не было.

Но это все цветочки. Ягодки начались после Указа 1954 года об оседлости цыган. Вот тогда эти веселые свободолюбивые кочевники дали милиции прикурить. Уже

тогда Васин, истинный коммунист-интернационалист, со стыдом стал осознавать, что начинает испытывать глухую ненависть к цыганам. Притом не к отдельным преступным представителям, а ко всему этому народу...

Был уже девятый час вечера, когда Васин вошел в кабинет следственно-оперативной группы. Ломов изучал прикрепленную кнопками к стене карту области. Апухтин листал материалы дела, делая выписки на листе бумаги, – только золотое перо скрипело.

– Ну что, со щитом или на щите, практикант? – Ломов посмотрел на запыхавшегося и притомившегося лейтенанта с ироничной усмешкой.

– Да опять пустота, – отмахнулся Васин. Он налил из графина в стакан воды и жадными глотками выпил. – Не знают в этом таборе ничего о герое цыганского народа Копаче.

Плелся он на перекладных до Абызовки почти двести километров, если считать туда-обратно. Вымотался прилично и хотел, чтобы его хотя бы на время оставили в покое. Но какой там покой? Он только снится. А так – вечный бой. В том числе и с язвительностью Ломова.

– Может, плохо спрашиваешь? – не отставал майор. – Без огонька и пристрастия?

– С пристрастием и огоньком – это уже инквизиция, – хмыкнул Васин. – Хотя с такой публикой ее методы в самый раз.

– Эка ты разогнался, – хмыкнул Ломов.

– Я уж в меру сил стараюсь наладить конструктивный диалог, шеф. Но глухо, как в среднеазиатском колодце. Этот Копач – как привидение какое-то: возникает из ниоткуда и исчезает в никуда. Когда захочет.

По другим линиям расследования никто успехами похвастаться тоже не мог. Действительно, банда была как заколдованная. Как будто шапка-невидимка у них, а заодно и ковер-самолет.

– Что-то мы упускаем, – поморщился Ломов, снова обернувшись к карте и прочерчивая стрелку красным карандашом.

Рядом висела еще одна карта – Российской Федерации, тоже испещренная значками и линиями.

– Может, они вообще из области двинули на оперативный простор? Степь да степь же кругом, – выдвинул предположение Васин и обвел рукой карту РСФСР. – Их надо где-то там искать.

– Молодые люди, – Апухтин оторвался от бумаг и посмотрел на оперов хитрым взглядом. – Клянусь своими почтенными сединами, здесь они. И заявят о себе в своей манере – самым наглым и подлым образом. Притом в самое ближайшее время. Я их повадки шакальи хорошо изучил.

– Ох, накликаете, Александр Львович! – воскликнул с чувством Ломов.

– Не будь суеверным... Но они все равно о себе заявят, – Апухтин сладко зевнул, встряхнул головой и снова было углубился в свои бумаги, но тут на его столе зазвонил телефон.

Следователь резко сдернул трубку:

– Апухтин на проводе!

По мере того, как он слушал, сонливость и ирония исчезали на глазах. На их место приходила угрюмая сосредоточенность.

– Понял... Машину к прокуратуре, – следователь в сердцах бухнул трубкой о телефон.

– Все же накликали? – невесело спросил Ломов.

– Накликал! Черт возьми, еще как накликал! В Жигунино двойное убийство. Дом священнослужителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sharapov_valeriy/tabor-smerti

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)